

Ля-Ля-Фа

НА «Ялте» он беспечно танцевал босиком, а теперь, видимо, сумел накопить немного денег на «казаки», чтобы выступать в них в столичных концертных залах. Леонид Агутин поет вечерней Москве на языке фламенко (с испанским акцентом). Но то ли потому, что в Испании он еще не был, то ли москвичи туги на ухо и докричаться до них можно, лишь регулярно «пробивая телеэфир» (а у него это еще не особенно накатано), только не все столичные «штучки» понимают его песни. Мнение тусовки полярно: либо безоговорочное приятие всего, что бы Агутин ни выдал публике (следят за его творчеством с самой «Ялты» и охотятся за новыми записями), либо недоумение: что это за новая «стар в рашен попе»?.. В общем, «все так, как всегда,— грусть и счастье, и беда. Но кто-то скажет: «Не везет! Пропавшая душа!».

Ему везет. Его гитары не плачут, а музыка не так легкомысленна, как может показаться на первый взгляд. И девушки в его песнях, если плачут, то не в автоматах, как водится, а в унисон дождю.

— Ты чувствуешь приближение своего звездного часа?

— Ничего себе вопрос! Скорее, я в каких-то кругах известен, в каких-то уважаем. Надеюсь, что по заслугам.

— Я невольно сравниваю тебя на «Ялте» — босоногого, танцующего тарантеллу (трогательный

ХОП - ХЭЙ

между зимой и весной

образ), — и на «Песне-94» — в белом костюме и обутого. И думаю, что, придумав «Хоп-хэй! Лала-лэй!», ты все же не изменил «Босоногому мальчику», но... создалась иллюзия меньшей свободы.

— Это неизбежно. Я прекрасно понимаю, что «пробить экран» можно сегодня только мощной песней (лиричной и в то же время не без пафоса). И выхожу на сцену с «Ла-ла-лэй!». Это не стыдно петь, хотя у меня есть вещи гораздо тоньше. Но записать весь альбом «на ухо» просто неумно: маловато будет слушателей.

— И ты не боишься надоесть поклонникам своим фламенко?

— Это стиль, а не случайные удачи: первая песня, песня № 2. Ты приходишь на «Gipsy Kings» и не возмущаешься: «Где хип-хоп? Почему все в одном и том же стиле?».

— Почему твоё имя все время ассоциируют с названием этой группы?

— Мы не так уж и похожи. «Голос высокой травы» — совсем другой реггей. На нашем новом альбоме есть гитарные песни, навеянные с североамериканского побережья. Не только из Испании. И очень резкие перепады настроения: как из бани в холодную воду и обратно. Стопроцентный будущий хит о «Парне чернокожем» — шутка со стебом, и — совсем рядом «Все только для тебя», ты не обратила внимания? Легкомысленная песенка про пароход и вдруг — «Ночь между зимой и весной. Ночь между тобой и мной».

— Про эту ночь мы уже проходили. А популярные исполнители всерьез повадились донимать тебя просьбами. К тебе обращаются Лайма, Филлип, Леонтьев, Пугачева. Как ты их будешь «отоваривать» — в порядке очереди?

— Два года назад я влез в композиторскую деятельность, и меня затянуло. Очень хочется написать для них, но просто катастрофически не хватает времени.

— Ты не замечаешь, что начинаешь писать му-

зыку для певцов, не очень близких тебе по стилю?

— Казалось бы, есть в этом какой-то внутренний конфликт, но я стараюсь не врать по музыке. «Все в твоих руках» я с удовольствием написал для Наташи Княжинской. Если для Аллы Борисовны получится песня, за которую не будет стыдно, — я с радостью ей вручу.

— Я верю тебе на слово, что эта жизнь может быть интересной или скучной, или такой, какой нам заблагорассудится ее сделать. Но я так и не сумела понять: почему ты здесь?

— Я чужой в тусовке и по-настоящему ей не люблю. Хотя сейчас мне приходится быть звеном в цепочке и двигаться паровозиком. Пять лет я боролся за свое право быть на сцене и, мне кажется, постепенно начинаю чего-то добиваться. В тусовке есть достойные люди, но во главу угла ставится не находка, не искусство, а обсуждаются достижения на уровне эфиров и помолвок. Нет того кайфа у студентов, когда они ходят друг к другу на показы. Нет интереса: кто сделал что хорошее? Есть мышиная возня — кто круче? Для меня она — как спорт, как выход в личной жизни: когда дома пусто, уезжаешь в какую-то музыкальную редакцию или ищешь денег на раскрутку — и создается иллюзия наполненности. А в студии, на базе, мы играем, придумываем, репетируем — и это моя жизнь, душа, дружба и любовь...

Эта ночь еще может спасти от тоски, но снова — день, Россия, побережье, небо. Я вспоминаю Ричарда Баха: «Небеса — это не место и время. Небеса — это достижение совершенства. И... ты не должен любить обезумевшую стаю! Ты должен тренироваться и видеть истинно добрую чайку в каждой из этих птиц, и помочь им увидеть ту же чайку в них самих. Вот что я называю Любовью».

Юлия АЛЕКСАНДРОВА.

НА СНИМКЕ из архива «Ля-Ля-Фа»: Агутин несколько лет назад. Сидит на солдатской кухне и поет, видимо, нечто душевное.